

Мераб Ратишвили

ЭПАТАЖ

16+

Мераб Ратишвили Эка Ратишвили Эпатаж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43415828

SelfPub; 2019

Аннотация

Сказка и реальный мир, естественно, пересекаются, драматические эпизоды часто сменяются комическими сценами. Несколько историй в книге основано на реальных фактах. Эпатаж – эпатаж не простит КГБ. Змея – если вы даете кому-то руку, посмотрите, чем он отвечает. Лана Абель – охотник может стать жертвой собственной ловушки.

Содержание

ЗМЕЯ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

20

ЗМЕЯ

У подножия горы Гориджвари, там, на участке цхинвальского моста, в прибрежной роще у реки Мтквари (Кура) сустились мальчишки. Они держали в руках двузубцы. Опустив головы, они шаг за шагом настороженно шли вдоль берега. Солнце находилось почти в зените и ребята знали, что именно в это время, да ещё и после дождя, змеи выползали из своих убежищ, чтобы погреться на солнце. Три змееловауже наловчились в деле; к тому же, они так умело подбирали время для этого дела, что никогда не возвращались домой без добычи. Но эти смелые ребята всё же избегали крупных змей. Убивать их они не собирались, даже если бы и поймали. Тогда зачем их надо было ловить и что потом с ними можно было делать? А вот, что касается пока ещё совсем маленьких детёнышей, то они являлись весьма хорошим развлечением. Онине нуждались в большом уходе, всё, что им требовалось, так это раза два в день дать им попить немного молока и этого было вполне достаточно. А потом играйся с ними, сколько хочешь. Да они и сами, привыкнув к хозяевам, не отставали от них. К тому же, они росли прямо на глазах, да так быстро, что за лето достигали длины почти в один метр. Имена им подбирали тоже сами ребята. С красным пузомназывали «Вашла», желтопузика – «Лимона», чёрно-белую – «Шахматистом», а водяную «Медянку» – «Верцхла». К осени всех

этих змей отпускали, содержать их дальше было трудно, они могли доставить немало хлопот. Поэтому, спустя три-четыре недели после того, как начинался учебный год, они все вместе возвращались на то же место в прибрежной роще, где раньше ловили детёнышей и отпускали на волю уже повзрослевших особей, которые, опережая друг друга, тут же начинали скользить по росистой траве, стараясь как можно быстрее спрятаться в укрытие. Полные чувства исполненного долга, мальчики возвращались домой. Некоторые змеи не спешили в укрытие. Они настолько привыкали к своим хозяевам, что погуляв немного, они поворачивались к ним и подняв голову, некоторое время пристально смотрели на ребят, будто спрашивая – куда ты? Ты что, оставляешь меня одного? – Так они смотрели друг на друга и первым разворачивался и уходил тот, кто терял силу воли.

– Пошли, чего ты стоишь, у неё уже своя дорога, – подобно наставнику говорил «Квинчила».

– Не надо слёз. Ха, ха, ха! – ржал «Варика».

– Пойдём, пойдём, артист, раков ловить будем; сегодня они будут жирными.

«Квинчила» и «Варика» были братьями. «Квинчила» был старшим из них, «Варика» – младшим. Был у них ещё и третий – «Цицила» (это были их прозвища), но он был совсем маленьким и поэтому они не могли взять его в рощу, хотя дома они все вместе игрались со змеями. Ребята родились в деревне, но когда подросли, то вместе с родителями перееха-

ли жить в город. Сначала в многоэтажном корпусе им выделили две комнаты, а потом семье, состоящей из пяти человек, дали ещё одну комнату. Ребята росли сильными и бесстрашными, они будто были рождены именно для сельской жизни, но им приходилось жить в условиях города и конечно же не хотелось сидеть дома, вот они находились постоянно в поисках приключений.

В этой группе ловцов змей я был третьим. Оба брата были старше меня. «Квинчиле» было пятнадцать лет, «Варике» – тринадцать, а мне – всего одиннадцать. Мы были соседями и все трое жили в одном подъезде. Меня звали «Артистом», так как ещё до того, как пойти в школу, вместе с другими детьми я часто ставил спектакли в нашем подъезде. Я сам придумывал пьесы, их жанр, сам же и подбирал актёрам характерные роли. Для себя я всегда подбирал такие роли, где я обязательно должен был быть старшим. Я был то царём, то директором. Вместе с этим, я и жанр пьесы выбирал исходя из того, какие роли и какое количество актёров потребовались бы в наспех придуманной пьесе. Ещё одна интересная вещь происходила в этих пьесах – во всех спектаклях были такие сцены, где одна из моих соседских девочек – актрис, обязательно должна была поцеловать меня, или наоборот, я целовал её. Во дворе не осталось ни одной девочки, которая бы не сыграла роль в моих спектаклях. Зрителей у нас тоже было много. Все смеялись моим постановкам, а ещё больше, наверно, моему замыслу и говорили: – Он артист, ему и по-

лагаются поцелуи. Когда я пошёл в школу, то хотел, чтобы меня называли режиссером, но согласен был и на артиста. Так прошёл мой дошкольный период и включая второй класс я продолжал ставить спектакли; поэтому это имя – «артист» надолго закрепилось за мной, почти до седьмого класса.

Несколько раз я даже попадал в неприятные ситуации, но от развлечения змеями всё равно не отказался. Особенно хорошо мне запомнились два эпизода. Однажды из большой спичечной коробки вылезла моя «Медянка – Верцхла». Не знаю как, но она наверно сползла или выскочила из кармана пиджака, который висел в холле и устроилась на ковре перед пианино. Луч солнца из соседней комнаты падал именно на то место, где свернувшись в клубок, замерла моя «Медианка– Верцхла». Мой отец что-то мастерил на веранде, мать суежилась на кухне, меня же, конечно, дома не было. И как я мог во время летних каникул остаться дома, да ещё в такое время! Все дни мы проводили на реке Куре под железнодорожным мостом.

Оказывается, мой отец вышел в большую комнату изаметил перед пианино серебристую блестящую проволоку. Про себя он подумал, что этот сукин сын опять уронил что-нибудь на пол. Он надел очки и подошёл поближе. Проволока раскрутилась, выпрямилась и быстро уползла под пианино. Отец дал попятную, у него чуть не разорвалось сердце. Он принёс половую тряпку и палку, для выбивания пыли и всеми возможными способами пытался выгнать её из-под пианино.

нино, и как-то поймать. Его состояние усугублялось ещё и мыслью о том, что а вдруг у этой змеи есть ещё и детёныши, что можно было сделать тогда? Надо было переселяться из квартиры. К тому же, он не хотел, чтобы об этом узнала мама, так как от страха у ней могло разорваться сердце. Пока мой отец бегал за моей «Верцхлой», на шум в комнату вошла мама, и именно в тот момент, когда отец поймал её и держал под тряпкой голову бедной «Верцхлы», а она, бедняжка, извивалась как только могла. Увидев это, мама побледнела и подкошенная опустилась тут же на диван. Бедный отец оказался меж двух огней, он не знал что делать, помочь маме или избавиться от змеи. Я и сегодня не знаю, что они сделали с этой бедняжкой.

Вечером, когда я вернулся домой, отец на всякий случай устроил мне допрос – не видел ли и я что-нибудь подобное в доме. И как он мог себе представить, что вот уже второй месяц змея находилась у нас в доме. А в коробку я посадил её потому, что отнёс показать её кому-то из соседних ребят, а потом забыл про это, так и осталась она в коробке. Потом, видимо, она очень постаралась и выползла из неё. Когда же я выразил протест по поводу того, что её выбросили, то получил хорошую пощёчину от отца. За этим последовал новый протест и я, оскорблённый, убежал из дома, хотя на время. Но случившееся всё равно не научило меня уму-разуму.

А вот и второй случай:

В школе, в кабинете биологии, нам проводили урок по

зоологии. Наша «Цуца-масц» (учительница Цуца) проводила урок как всегда на высокохудожественном уровне. В тот день она сняла со шкафа свёрнутый плакат и, так как она была небольшого роста, то попросила меня повесить плакат на гвоздь над доской. Я развернул плакат и повесил его. Но что я вижу?! На картине во всю длину плаката была изображена змея. Тогда у меня мелькнуло в голове, что из всего этого можно было выкроить интересную историю.

Я внимательно слушал Цуца-масц, которая рассказывала нам о строении, физиологии, размножении и местах обитания змей. Она рассказывала очень интересно. Цуца-масц действительно была очень хорошей учительницей, но самым удивительным было то, что эта маленькая женщина была ещё и очень бесстрашной: во всяком случае, мне так показалось, когда она стояла рядом с картинкой с указательной палкой в руке и объясняла, как нам надо было вести себя, если бы нам случилось встретиться со змеёй, почему мы не должны были бояться и т. д. В классе слышалось много реплик, особенно со стороны мальчиков. На уроке я почти ничего не сказал. О моём увлечении было известно лишь нескольким моим одноклассникам. Они даже искоса посмотрели на меня, мол, почему не активничаешь, но тот день я решил воздержаться и показать себя на следующем уроке, а заодно и получить заслуженную пятёрку. И как я мог упустить из рук такой момент?! Ведь потом я мог в течение двух недель уже не показываться на уроках биологии. Я и без того всегда по-

лучал одни пятёрки у Цуцы-мац, поэтому она и прощала мне многое.

Я с нетерпением ждал следующего урока. У меня уже не было змея и я попросил у «Варика» его желтопузика «Лимону», а она уже действительно была настоящей змеёй, почти в метр длиной. Я поместил её в жестяную коробку из-под конфет «Момпасье» и принёс в школу. В ожидании сенсации я горел желанием, чтобы урок начался как можно скорее. По моему урок зоологии был четвёртым. «Лимона» присутствовала на уроке математики, мы вместе с ней написали контрольную по русскому языку и по моему, она выслушала даже урок по литературе – и как-же она могла отказаться от ВажаПшавела? Я уверен, что она была более довольна мною, нежели своим хозяином, так как «Варика» вообще не ходил в школу, он помогал отцу в его делах и постоянно пропускал уроки. Поэтому и бедная «Лимона» всё время была заперта в коробке.

Я сидел на второй парте, от стола-кафедры Цуцы-мац меня отделяли всего около трёх метров. Как только начался урок и вычитали список, учительница тут же спросила, кто из нас был готов. Мою поднятую руку она почему-то не заметила и вызвала другого ученика. В знак протеста я изменил сценарий. Я открыл коробку под партой и достал змею. Как только я положил её на парту, она зашипела и начала скользить. Тут же послышался и крик моей одноклассницы. Я спокойно взял змею и поместил её между пальцами. Змея

вытянулась, и выпрямившись в воздухе, предстала в полной своей красе. Она опиралась только на мой палец, хорошо были видны её цвет и размер. Это было прекрасное зрелище. В считанные секунды вокруг меня уже никого не было, я же с гордостью держал в руках это удивительное создание, но разве все понимают и видят красоту? Побледневшая Цуца смотрела на меня с изумлением. Я оглянулся вокруг и когда увидел какими глазами на меня смотрели эти побледневшие лица, то мне показалось, что они боялись не змеи, они боялись меня. Цуца собралась силами и сказала наконец, – сейчас же выйди из класса и заведи с собой змею.

– Сначала я сдам Вам урок, а потом, если хотите, я вообще не появлюсь здесь больше.

– Нет, – сказала она, – либо ты сейчас же выйдешь из класса, либо спрячешь змея, – дала попятную Цуца-масц.

Как видно, она испугалась тоже. Где же был тот пафос, который она проявила на предыдущем уроке, когда объясняла нам, почему мы не должны бояться змей и как надо вести себя при встрече с ними!

Единственная Тамрико потянулась к змее и попросила показать её. Она говорила, что не боится и даже может взять её руки. Цуца закричала пронзительным голосом, требуя, чтобы я спрятал змею, я был вынужден повиноваться и положить её в коробку, пока в класс не пришёл директор, к тому же, кабинет биологии был расположен поблизости его кабинета. Она так и не вызвала меня к доске, и тем оскор-

била не только моё самолюбие, но и оскорбила «Лимону», и разрушила весь мой замысел. Моему гневу не было предела. Как только раздался звонок, дети по традиции собирались вокруг Цуцы, желая узнать, как она оценила их. Она сидела за столом и своими маленькими и пухлыми пальцами записывала оценки. – Какую оценку вы поставите мне? Я хорошо ответила? – задавали дети вопросы. Вот и я спросил, какую оценку я заслужил.

Ты за своё плохое поведение получишь единицу – ответила она.

Змея была у меня в кармане и моя рука, невольно, сама скользнула туда к ней. В один миг этот несчастный «Лимона» оказалась на нашем классном журнале. Он не успел выпрямиться и сползти, как Цуца с криком закрыла журнал и бросила его в сторону заднего ряда, именно к той парте, за которой сидели два «отличника» – именно таких, которые обязательно должны остаться в одном и том же классе хотя бы на два года. В одного из них попал журнал, а у второго на груди оказалась змея. Они с такой скоростью вскочили с парты, как никогда. Паника и крики уже достигли коридора. Мне оставалось сделать только одно – отыскать обиженную и избитую «Лимону» и вместе с ней как можно скорее бежать из школы. Я с трудом смог отыскать и поймать «Лимону» и выбежал из класса, а затем из школы, пока не появился директор.

Мой замысел, что получу хорошую оценку и недели две не

буду ходить на уроки, частично осуществился. На две недели меня отчислили из школы. Я и близко не мог подойти, не то, что к кабинету биологии, но и к школе. Я уже не стану рассказывать о том, сквозь какой огонь и воду мне пришлось пройти дома, и сколько раз палка для выбивания пыли попала в мою спину, но всё это мне запомнилось очень хорошо и на всю жизнь.

Прошли годы. После окончания школы, чуть ли на второй день я стал абитуриентом театрального института. Так как экзамены там начинались раньше, то и мне раньше пришлось топтать проспект Руставели в Тбилиси. Я хорошо знал почти всех абитуриентов, так как вот уже несколько месяцев ездил в столицу, чтобы ходить на консультации в театральный институт. Наверно будущих студентов, преподаватели заранее выбирали в свои группы. Все абитуриенты дружили между собой и помогали друг другу, не конкурируя между собой.

Мы уже сдавали актёрские туры и, как всегда, огромное количество народа теснилось у дверей института. Окружённые болельщиками абитуриенты полностью занимали тротуар, территорию, прилегающую к театральному институту, от театра имени Руставели до кинотеатра «Спартак». Родители, бабушки, дедушки, братья и сёстры, родственники, друзья, одноклассники, соседи... Создавалось такое впечатление, что эти люди пришли сюда не экзамены сдавать, а собирались штурмом взять институт. Иголке негде было упасть, столько народу собиралось здесь в день экзаменов.

Наверно и сегодня происходит то же самое.

Я и ещё несколько абитуриентов, приехавших из района, были одни. К тому же, я категорически запретил своим, даже появляться на территории института. Одним словом, день и ночь мы находились перед зданием института. Мы были довольны уже тем, что виделись с корифеями театрального искусства, и к тому же, бесплатно и совсем близко. Когда народу становилось меньше и на месте оставалась лишь основная группа абитуриентов, мы тут же начинали думать о том, как бы скоротать время. Даже присесть поблизости было негде, поэтому ребята институтской «биржи» часто устраивались на бордюрах тротуаров и, естественно, к вечеру вся наша одежда, да и наши лица тоже были покрыты уличной пылью. Порой мы навещали кафе кинотеатра «Спартак», иногда заходили в хачапурную на против, главным для нас было находиться рядом с институтом.

В один день, когда мы все, и девушки, и парни стояли перед институтом, среди девочек внезапно возникла какая-то суета, они начали перешёптываться между собой, и глазами указывали друг-другу на кого-то или, на что-то. Я почувствовал, что они увидели кого-то, но я никак не мог себе представить, что эта суета могла быть вызвана не появлением кого-нибудь из корифеев театра, а причиной тому могло быть появление совершенно незнакомого парня, болельщика кого-то из абитуриентов. Я проследил за их взглядами, но у театра никого не было видно. Чуть дальше, у гостиницы

«Тбилиси» я увидел троих парней, они шли в нашу сторону. Перешёптывания и взгляды девочек подсказали мне, что их восторг и ожидания были обращены именно в их сторону, а точнее, к одному из них. Всё это я воспринял намного лучше после того, как они приблизились к нам. Справедливости ради надо отметить, что он действительно заслуживал восхищения. Высокий, со сложением культуриста, не менее метр-девятисто в росте. Его мышцы не умещались в белой рубашке. У него было лицо Аполлона, чёрные глаза и королевский взгляд, покрытые бриолином чёрные волосы были зачёсаны назад. На распахнутой груди висел медальон, на нём были дорогие чёрные брюки-шляксы и блестящие чёрный туфли. Было ему наверно двадцать-двадцать один год. И ничего удивительного не было в том, что вчерашние выпускницы школ так реагировали на его появление и восторгались им. Девочки даже не замечали нас. Самой сдержанной из всех девочек была Ирина Векуа и я был очень доволен этим. Я уже не помню, кого я спросил о нём, то-ли ГиюДарчиашвили, то-ли МамукуКикалейшвили. Мне ответили, что этот молодой человек был близким кого-то из наших, он культурист и хорошо дерётся. С обеих сторон его сопровождали друзья, да ещё и так, чтобы главную персону можно было видеть лучше. Среди девочек нарастало волнение, кто-то из них поправлял волосы, кто-то осматривал себя в стёклах витрин. Одним словом, в соседнем дворе появился нахохлившийся петух и местные курицы раскудахтались. Даже

по его походке и манерам было видно, что он был разбалован таким вниманием.

«Аполлон» и его свита прошли сквозь людскую массу и приблизились к нашей группе (не знаю как его звали, а может я и не пытался запомнить его имя). Он поздоровался со всеми. На некоторых он даже не взглянул, так протянул им руку – так, просто, чтобы выполнить свой долг, вроде того, что считаюсь с вами. Со мной он поздоровался именно так, он протянул руку направо и когда я подал ему свою руку, только тогда и увидел, что он даже не смотрит на меня. Меня это здорово задело и пока остальные отчитывались перед ним, о том, как у них обстояли дела, кто перешёл в следующий тур, а кто был отсеян, мы с Гией переглянулись между собой. Нам явно не понравилось такое наглое появление этого нахохлившегося петуха в нашем дворе, да к тому же с такими поставленными манерами! Потом он также манерно поздоровался и с другими, протянутой в сторону рукой он будто раздавал милостыню и позволял им прикоснуться к его руке. Девочки ни разу не взглянули в нашу сторону, именно тогда я и подумал, что таких надо обязательно прочесть. Но как? Он силён как танк, и относится к другой весовой категории и возрастной группе!

После последнего тура до первого экзамена у нас была недельная пауза. Мне уже изрядно надоело топтаться на одном месте на проспекте Руставели. На несколько дней я выехал из Тбилиси в Гори и основательно подготовился к буду-

щей встрече. Настал и этот день. Я уже знал, приблизительно, когда «Аполлон» появлялся на Руставели. Первый экзамен по актёрскому мастерству я уже сдал, поэтому я пришёл в институт поддержать других.

А народу – то?! Народу было столько, можно было подумать, что только-что закончился футбольный матч и болельщики вывалились из стадиона. Девочки и парни из нашей группы стояли вместе. Я горел желанием поскорее увидеть «Аполлона». Я стоял так долго, что уже начал терять терпение. И вот, я уловил взгляд девочек. По их выражению и движениям я тут же догадался, что появился он. Все уступали ему дорогу, никто не мог отвести от него глаз. Он, конечно же, чувствовал это внимание. Всё повторилось точно так же, да и что могло измениться за неделю. На сей раз он повёл себя ещё хуже и пролез своей рукой между двумя парнями так, что даже не сосчитал нужным видеть того, кого жаловал своей сильной десницей. Что мне оставалось делать, я пожал ему руку. Всю неделю я ждал именно этой минуты, и как я мог упустить её! Вот и произошло то, что произошло. Я никогда не слышал такого ужасного мужского рёва. Он издал именно столько деци-баллов, сколько издаёт трибуна джунглей на стадионе «Динамо». Лицо его стало таким же белоснежным, как и его рубашка. В воздухе, вытянувшись во всю длину, летела змея. Этот ужасный рёв подействовал на остальных ещё более ужасающе. «Аполлон» потерял сознание, и как подкошенный упал на землю, что

привело остальных в замешательство. Несчастливая змея упала на кого-то и этот последний издал такой звук, который никак не отличался от рёва «Аполлона». Напуганная и растерянная змея попытался как-то спастись и переползла через ноги людей. Раздались пронзительные крики, которые переросли в страшную какофонию, которая перекрыла даже рёв машин. От этого голова раскалывалась и вызывала замешательство. Было непонятно, кто куда бежал. Страшная паника объяла «Мекку искусства» на проспекте Руставели. Многие даже не знали, куда бегут, зачем бегут, от кого? Здесь в полной мере проявился синдром толпы. Создавшаяся паника и инстинкт само-выживания подсказывали им, что надо было бежать. Достаточно было увидеть двух свалившихся с ног мужчин, чтобы спастись бегством.

Я не ожидал такой реакции, поэтому сам растерялся. Массовые сцены так естественно слились с главной мизансценой, что мне, как автору и режиссёру этого уличного спектакля, всё это доставило огромное удовольствие и привело в изумление. Я даже представил себе картину ожидаемого результата. На минуту я испугался того, что мой замысел вышел за пределы намеченных масштабов и обернулся лавиной. Поди, да не испугайся!

Весь народ разбежался в считанные секунды. Моей главной заботой была несчастная змея – а вдруг кто-нибудь наступил на него ногой и раздавил. Поэтому я попытался проследить за его движением. Как оказалось, в этой панике, кро-

ме меня так никто и не заметил, как он залез в дождевой жёлоб опускавшийся до асфальта, и там нашёл себе укрытие. Я понял, что она, напуганная, ни за что не покинула бы своего укрытия без моей помощи, а если даже и заметил кто, то вряд ли рискнул бы приблизиться к жёлобу.

«Аполлон» лежал на проспекте Руставели без сознания. Его белоснежная рубашка была испачкана, лицо отдавало синевой. Никто не знал, что делать. Я подошёл и потребовал дать мне подойти к нему поближе. Мне уступили дорогу. Я взглянул на него и несколько раз дал пощечину. Я знал, что такой возможности у меня больше не будет. К моей великой радости «Аполлон» пришёл в себя, открыл свои большие чёрные глаза и посмотрел на меня. Ууф, слава тебе Господи! – подумал я, радостный. Когда я справился о его самочувствии, он ничего не смог ответить. Я сказал ребятам, что его надо бы, как можно скорее отнести в здание института и уложить на тахту вахтёра. Мы все вместе взяли его и как раз в это время подъехала и милицейская машина. Я даже смотреть не хотел на них, но хотел или нет, глаза сами побежали в ту сторону, хотя я был занят спасением человека и мне некогда было думать о них. Мы занесли «Аполлона» в здание и уложили на тахту. Я посмотрел на улицу и увидел, что к зданию подъехала и вторая машина, и уже кое-кого расспрашивали, что произошло. Насколько мне известно, никто ничего определённого сказать не смог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.